

ческим, демографическим, социально-профессиональным, этническим, территориальным и другим критериям. *Целевая аудитория* – это относительно однородная группа, объединённая чем-либо: сходством целей, интересов, профессиональной или социальной принадлежностью и пр. Результатом сегментации выступает выявление группы, которой будет адресован имидж как сообщение. Можно отметить 4 разновидности ЦА: 1. лица принимающие решения; 2. лидеры мнений и эксперты; 3. общественные объединения и экономические агенты, а также СМИ; 4. массовая аудитория. Для сегментирования нужно ответить на 3 группы вопросов: поведенческие вопросы (что мы хотим, чтобы они сделали?), вопросы отношения (что мы хотим, чтобы они думали?), информативные вопросы (что мы хотим, чтобы они знали?) [2, 84].

5. Эффект. *Эффективность* коммуникации определяется тем, достигнута ли поставленная цель. Оценка эффекта воздействия может быть проведена с помощью аналитических средств либо оценивая действия ЦА. Существует проблема в плане оценки влияния имиджа и оценки результативности деятельности по его формированию. Нужно отметить, что базовые показатели оценки должны быть заложены на этапе планирования. Д.И. Игнатъев и А.В. Бекетов предлагают три подхода к проблеме оценки эффективности: «вкусовой», количественный и научный [2, 77–78]. Спроецируем их на международную сферу. «Вкусовой» подход заключается в субъективном мнении клиента/субъекта («нравится / не нравится»). В международной сфере субъективное мнение выражается в самооощении. Оно может проявляться в контактах граждан государства (дипломаты, туристы и др.) с представителями ЦА при переговорах, туристических посещениях и т.п. Количественный подход характеризуется с точки зрения выполнения / невыполнения плана мероприятий по формированию имиджа. Научный подход предполагает проведение исследований ЦА, в частности изменения их отношения к субъекту. На основе маркетингового подхода сформулируем иные критерии эффективности. Критерии эффективности торговых марок – это жизнестойкость и достоинство [3, 90–91]. Оценим на основе этих критериев результаты формирования международного имиджа. Имидж будет обладать жизнестойкостью, если он: 1) в сознании ЦА отличается от имиджей других международных субъектов и 2) когда это различие имеет существенное значение для выбора в пользу этого субъекта. Имидж будет обладать достоинством, если он: 1) пользуется положительным отношением со стороны ЦА и 2) известен на международной арене. Оценка эффективности – сложный этап имиджформирующей деятельности, т.к. трудно оценить её эффективность по следующим причинам: 1. сложно фиксировать и анализировать изменения в сознании иностранных целевых аудиторий, поскольку это требует значительных ресурсов; 2. ЦА подвержена многочисленным ситуативным воздействиям как извне, так и изнутри, поэтому мнение ЦА может постоянно колебаться; 3. изменения в сознании ЦА происходят медленно, и потому не сразу заметны. Поэтому часто прибегают к простым и относительно эффективным средствам определения эффективности имиджевой политики – анализу количества и качества материалов в СМИ в той или иной стране.

Заключение. Таким образом, мы рассмотрели, как в рамках модели линейной коммуникации на разных её этапах протекает процесс формирования международного имиджа.

1. Политическая имиджология / А.В. Агеносов [и др.]; под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 400 с.
2. Игнатъев, Д. Настольная энциклопедия Public Relations / Д. Игнатъев, А. Бекетов. – 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004 – 496 с.
3. Котлер, Ф. Маркетинг в третьем тысячелетии: Как создать, завоевать и удержать рынок / Ф. Котлер. – пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 272 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФРАНЦИИ И НАТО В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА НИКОЛЯ САРКОЗИ

Е.Э. Кривоносова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Интерес к изучению французского политического опыта обусловлен тем, что Франция является мощной промышленной и ядерной державой, постоянным членом Совета Безопасности ООН, членом G7 и G20, страной-основательницей Европейского Союза, государством, часто имеющим особое мнение на развитие международных отношений. Франция обладает значительным опытом в проведении маневренной внешней политики, умело используя разнообраз-

ные средства для реализации национальных интересов. Проводя активную и гибкую внешнюю политику, Франция оказывает влияние на решение основных международных проблем, вносит свой вклад в формирование современной геополитической архитектуры.

Цель исследования – проанализировать факторы и итоги укрепления франко-натовских связей в период президентства Н. Саркози, который являлся весьма одиозной фигурой не только на политическом олимпе собственной страны, но и за её пределами.

Материал и методы. Материалом исследования является внешнеполитический курс Франции в отношении Североатлантического союза в период президентства Н. Саркози. Используются общелогические и теоретические методы исследования (нарративный, сравнительный, идеографический, системный).

Результаты и их обсуждение. Атлантический альянс всегда обладал определенной аттрактивностью для Парижа. Франция является одним из учредителей этой организации, созданной в 1949 г.; первая штаб-квартира НАТО находилась в Париже. Однако в 1966 году президент Ш. де Голль неодобрительно указал на отсутствие равнозначности партнеров блока, на доминирующую роль США в принятии решений при второстепенности европейских стран. Генерал принял решение о выходе из военной организации НАТО (т.е. разрыв был неполным). Солидарность с блоком была сохранена, и в дальнейшем продолжалось военное сотрудничество, связанное технологическим переоснащением различных систем вооружений; проведением совместных со странами блока учений с целью повышения профессиональной подготовки различных родов войск. Периодически столица Франции выступала принимающей стороной сессии Совета НАТО. Однако, не являясь членом Военного комитета, Франция была лишена возможности влиять на стратегическое и тактико-оперативное планирование.

В период правления Ж. Ширака (1995–2007) Франция выказала готовность к более тесному взаимодействию с альянсом, что было обусловлено новыми геополитическими реалиями распада биполярного мира, которые Париж попытался использовать для уменьшения американского контроля над Европой. Французская правящая элита предлагала усилить европейскую идентичность в рамках НАТО: передать региональное командование в Европе европейцам, отдать Франции командование южным сектором (главнокомандующий силами НАТО в Европе – всегда американец, у которого три заместителя в северном, центральном и южном регионах). США отрицательно отнеслись к этой инициативе. Также Франция настороженно восприняла проект расширения НАТО на восток, благодаря которому США упрочивали своё влияние на Европу, ослабляя в определенной мере французское. В результате первая попытка возврата Франции в военную структуру блока завершилась неудачно.

Заметное улучшение франко-американских отношений произошло только после прихода к власти Н. Саркози (2007–2012), который среди основных внешнеполитических приоритетов назвал восстановление дружественных отношений с США, серьёзно пострадавших в ходе войны в Ираке. Вместе с тем, президент V республики подчеркивал, что партнерство с США в условиях конца однополярного мира не означает однозначного равнения на Вашингтон в рамках отношений господства и подчинения.

Саркози четко заявил о намерении вернуть Францию в военную организацию НАТО. «Сближение Франции с НАТО с приходом Н. Саркози в корне отличалось от аналогичной попытки времён Ж. Ширака. Если предыдущая администрация рассматривала этот процесс скорее в инструментальном смысле, как путь к реализации собственного видения европейской стратегической автономии, то для Саркози он имел в первую очередь собственную ценность как основа для утверждения надлежащего места Франции в западном сообществе и поддержания её международного ранга» [1, с. 93].

Решение о реинтеграции в военную организацию НАТО объяснялось многими факторами.

Во-первых, Франция даже после выхода продолжала оставаться одним из значимых членов НАТО. Страна принимала активное участие в работе почти всех комитетов военного командования, занимала четвёртое место по размеру финансового вноса в бюджет блока в 2008 г. Поэтому требовалось просто юридически закрепить реальное участие в реализации военно-политических целей альянса.

Во-вторых, экономический кризис не позволил увеличить национальный оборонный бюджет, в повестке дня появились новые приоритеты: «увеличение силы развертывания соеди-

нений, коалиционные действия (взаимодействие с союзниками), усиление роли разведки, профессионализация армии» [2, с. 258].

В-третьих, даже восточно-европейские государства, бывшие участники Варшавского договора, вступили в НАТО, вследствие чего внеблоковая политика Франции выглядела странной. «Сложилась парадоксальная ситуация: крупнейшая из стран Европы, регулярно вносящая весомый вклад в «общую корзину» трансатлантической безопасности, принимающая активное участие в боевых и миротворческих миссиях НАТО» [3, с. 38], находится в самоизоляции от натоцентричной системы политического расклада сил.

В-четвертых, «неполноценное» членство ограничивало возможности для отстаивания национальных интересов. Саркози был убежден, что возвращение в альянс наделит Францию статусом значимого субъекта в деле принятия решений. По мнению президента, «те, кто отсутствуют, всегда неправы» [4].

У идеи реинтеграции было немало противников, но, парируя их аргументы, президент утверждал, что возврат в военные структуры североатлантического союза не скажется на суверенных правах государства в принятии и реализации важнейших военно-политических программ, в использовании военного потенциала (включая ядерный). Страна не будет вовлечена в различные военные конфликты вопреки национальным интересам. Вооруженные формирования Франции останутся вне постоянного контроля со стороны объединенного командования блока.

В итоге, в апреле 2009 г. участникам блока было объявлено о восстановлении Францией полноформатного участия в структурах интегрированного военного командования НАТО.

При этом важно подчеркнуть, что стратегической установкой Парижа являлось не столько полноформатное членство в альянсе, сколько стимулирование сотрудничества стран Евросоюза в военно-оборонной сфере. Об этом свидетельствует выдвижение французским лидером двух условий реинтеграции государства в военную организацию блока. «Во-первых, – серьезное продвижение вперед в вопросах формирования “автономной системы обороны Европы” и соответствующее реформирование НАТО. Во-вторых, – назначение французского представителя на один из высших руководящих постов в действующей военной структуре альянса» [5, с. 42]. Саркози осознавал, что создать европейскую оборонную идентичность без поддержки со стороны США и без участия в военной организации НАТО невозможно.

Очевидно, что, отстаивая концепцию единой европейской оборонной политики с последующей трансформацией Североатлантического союза, Париж преследовал цель повышения политического веса как в Европе, так и в мире в целом.

Условие о перераспределении полномочий в Североатлантическом альянсе было выполнено: участие страны в структуре натовских организаций значительно возросло. К примеру, США вынуждены были впервые уступить европейцам – Франции – важнейший пост в Высшем союзном командовании по трансформации, занимающемуся модернизацией альянса.

Укрепление трансатлантических связей, с одной стороны, привело к координации действий и позиций в Афганистане, Ливии. В то же время сохранились различия по вопросам принятия Турции в Евросоюз, ядерного досье Ирана, способов решения Ближневосточного конфликта, американских планов создания системы ПРО. Франция негативно относилась к превращению НАТО в конкурента ООН, выполняющего как военные, так и гуманитарные функции. Отметим также, что Франция ратовала за усиление единого голоса Европы в НАТО, но не смогла поколебать проамериканский расклад сил в рамках альянса.

Заключение. Таким образом, одним из существенных результатов президентства Саркози стало расширение франко-американского сотрудничества вследствие повторного включения страны в военную организацию НАТО. Решение Саркози о реинтеграции было продуманным и актуальным. «Внеблоковая политика» Франции стала противоречить национальным интересам в новой геополитической системе координат, влияние страны в объединенной Европе начало ослабевать. Поэтому проявление «атлантической солидарности» представляло собой «меру, способную принести стране немалые дивиденды не только в виде упрочения ее политических позиций в трансатлантическом сообществе, но и в плане увеличения оперативно-организационных и материально-технических возможностей французских и в целом европейских вооруженных сил» [3, с. 31].

Последствия французского возвращения в военные структуры Альянса оказались неоднозначными. С одной стороны, Париж настоял на необходимости доктрины ядерного сдержива-

ния в концептуальных документах НАТО (с 1966 г. Франция не является членом Комитета ядерного планирования), увеличил кадровое участие в военных органах, сохранил за собой определенные исключительные права, «добился возможности более эффективно влиять на решения альянса, пользоваться военно-техническими возможностями и инфраструктурой НАТО, определенный импульс получили франко-британские военные связи. С другой стороны, ставка Парижа на развитие европейской обороны и, соответственно, укрепление своего влияния в ЕС себя не оправдала, а «европейская оборонная идентичность» пока остается только лишь лозунгом» [6]. Результатов в деле укрепления европейской обороны достигнуто не было ввиду определенной оппозиции США французским планам, всемирного финансового кризиса, противоречий (до сих пор не преодоленных странами Европы) в сфере оборонной политики, отсутствия заинтересованности у ряда государств вкладывать соразмерные ВВП доли в оборонный бюджет. Спорными являются также военно-экономические последствия. «Стандартизация с НАТО поставила французскую промышленность в затруднительное положение: закупка произведенных в США вооружений и военной техники на деле оказалась более выгодной, чем перепрофилирование национальных компаний оборонного сектора» [7, с.11].

Отношения Франции и альянса не остаются беспроблемными и сегодня. В этой связи можно вспомнить заявление Э. Макрона о «смерти мозга НАТО», которое вызвало неоднозначный отклик в политических кругах Запада.

1. Манжол, В. Внешняя политика Франции: изменилась ли доктрина голлизма? / В. Манжол, А. Шаповалова // Современная Европа. – 2014. – № 4 (60). – С. 84–96.
2. Обичкина, Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012): науч. издание / Е.О. Обичкина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 384 с.
3. Надточей, Ю.И. Выбор Франции: «Атлантизм» с «европейским подтекстом» / Ю.И. Надточей // Актуальные проблемы Европы. – 2010. – №3. – С. 35–62.
4. Антюхова, Е.А. Военно-политические взаимоотношения пятой республики и США, сотрудничество с Англией и Германией в Центральной Азии / Е.А. Антюхова // Вестник Брянского государственного университета [Электронный ресурс]. – 2012. – №2(2). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskie-vzaimootnosheniya-pyatoy-respubliki-i-ssha-sotrudnichestvo-s-angliye-i-germaniy-v-tsentralnoy-azii/viewer>. – Дата доступа : 20.12.2019
5. Зверева, Т. Внешняя политика Франции после прихода к власти Николя Саркози / Т. Зверева // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 6. – С. 34–48.
6. Осипов, Е. Внешняя политика современной Франции / Е. Осипов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1177>. – Дата доступа : 20.12.2019
7. Махмутова, Д. Франция и НАТО: итоги года президентства Ф. Олланда / Д. Махмутова // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2013. – №30(46). – С.10–13.

МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА В СЕРЕДИНЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1980-Х ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВИТЕБСКА

*В.А. Лукьянова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

История мира после Второй мировой войны обычно понимается в рамках таких больших тем, как «холодная война», деколонизации и т.п. Несомненно, они были одними из главных тем в мировой истории во второй половине XX века, но также не следует исключать рядовых людей, обыденная жизнь которых часто терялась в цепочке глобальных событий. Однако познание истории и исторического процесса в целом предполагает изучение частной жизни обычных людей, так как из мелких «пазлов» обыденности можно воссоздать целостное представление глобального процесса.

Молодёжь во второй половине XX века как социальная группа, освобожденная в некотором смысле от ограничительной государственной и национальной идентичности, пыталась создать альтернативный порядок, хоть и в пределах границ советского государства. Изучение особенностей частной жизни молодёжи во второй половине 1950-х – начале 1980-х годов, взаимодействия её с государственными структурами, может помочь государству на современном этапе развития разрешить проблемы в сфере молодёжной политики, связанные с асоциальными явлениями, а также улучшить процессы более эффективного сотрудничества неформальных структур с официальными.